

Приглашение в тишину

Стихи 1977-1984 годов

16+

Виктор Балдоржиев

Виктор Балдоржиев

Приглашение в тишину

«ЛитРес: Самиздат»

1984

Балдоржиев В.

Приглашение в тишину / В. Балдоржиев — «ЛитРес: Самиздат»,
1984

ISBN 978-5-5321-1811-9

Как и у всякого звезданутого человека, нетленки мои разделены на ранний и поздний периоды, где — время, люди, недоразвитость и потуги к развитию. Мы люди своего времени и своих вождей, лишённые мозгов. Но и в таком состоянии радуются и творят живые существа. Придя в себя, что-то переварив, осознав, даже родившись заново, они не оставят то, что пережито. Успокоив себя, я начинаю собирать пройденные состояния.

ISBN 978-5-5321-1811-9

© Балдоржиев В., 1984
© ЛитРес: Самиздат, 1984

Приглашение в тишину

Очарование и разочарование

Стихи я писал с детских лет. Видимо, с такими природными потребностями родился. Нормально я себя чувствовал только тогда, когда был одинок и писал. Думаю, что только в эти мгновенья я становился самим собой, а во все остальное время мечтал о встрече с подобными себе особями. Но пути мои пересеклись с ними в уже зрелом возрасте. И как же я потом разочаровался своём «творчестве» и в них.

Но прошлого не изменить, стихи эти публиковались в разных журналах и книгах. Разочарование снова сменилось очарованием. Сегодняшнее всегда прекрасно. А в строках сконцентрировалась уже история.

Как и у всякого звезданутого человека нетленки мои разделены на ранний и поздний периоды, где – время, люди, недоразвитость и потуги к развитию. Мы люди своего времени и своих вождей, лишённые мозгов. Но и в таком состоянии радуются и творят живые существа, но и придя в себя, что-то переварив, осознав, даже родившись заново, они не оставят то, что пережито. Успокоив себя, я начинаю собирать пройденные состояния.

Настроения, друзья!

Из ранних

Путь сомнений

Ах, сколько в жизни за мгновенье
Событий, действий роковых.
Мятежных мыслей и волнений.
Свершений – ложных и пустых...

Так пусть ведет нас путь сомнений
К познаниям истин вековых.
Как вечный двигатель стремлений
И наших помыслов земных!

Старые чабаны

1

Вхожу с почтеньем в новое жилище,
В колхозную обитель чабанов,
Где рядом с телевизором как в нише.
Сандаловые домики богов...

Латунь и медь! Начищенные боги.
Сощурившись бесстрастно на экран.
Про мирские слушают тревоги,
Хозяйка наливает мне айран...

Старик, тревожась, ходит по квартире.
Прислушиваясь к гулу за окном.

Я думаю о судьбах и о мире
Сородичей моих в краю степном.

Метель в трубе беснуется и воет.
Однако степь жестока и темна!
Вдруг в ночь старик, ссутулившись, уходит.
Старуха не отходит от окна...

Там стонут ненадежные кошары.
И гаснут звезды в круговерти тьмы.
Шарахаются в ужасе отары
Средь душу ледящей кутерьмы...

2

Они давно отспорили с ветрами.
Но души их в квартирах не живут.
А в сениях, звеня чуть стремянами,
Их снова седла в шурганы зовут!

Им смотрят вслед старухи, дети, боги.
Им надо в путь – ветрам наперекор!
Их жизнь в степи, в завьюженной дороге.
И не покинуть вечный им дозор...

Перед началом охоты

Обживают деды завалинки.
Свои весенние рубежи!
Отцовские, пыльные, валенки
На тугие кромсаем пыжи...

Снег сошел, и земля обнажилась.
Пахнет дымом дорожных костров.
Говорят – уже где-то садилась
Беспокойная стайка чирков.

Расчехлились! И ружья достали.
А в озерах вода все синей!
Даже вроде бы, будто видали
Одинокую пару гусей!

Гонимы инстинктами древними.
Подсчитываем боезапас.
А собаки глазами верными
Вопросительно смотрят на нас...

Сельский праздник

Сельский праздник бесится в разгаре!
Разноцветье... Солнце... И жара!
А премии – механизаторам -
Выдали заранее. Вчера!
А сегодня – речи и концерты,
Автолавки с раннего утра
Предлагают соки и консервы.
Женщины... Мужчины... Детвора...
Грамоты почетные, дипломы,
Председатель щедро раздает.
Представитель местного профкома
Что-то там, кому-то, выдает...
Сельский праздник бесится в разгаре!
Лето... Коммунисты... Духота.
Во хмелю поцапались вдруг парни -
Треск штaketин... Драка! Суeta...
Участковый... Пачку «Беломора»
Вытащил из желтой кобуры.
Праздник! Пьяный... По колено море!
Шум и гам. Кино для детворы!
На сельскохозяйственном просторе
До усталой сумрачной поры
Не смолкают драки, разговоры,
Сельсовет с горящим гордо взором
Гордо эмигрировал в дворы...
Участковый – час на телефоне!
Не понять в тех драках, кто есть кто.
Заодно вlepили и «профкому».
Кто вlepил? И главное – за что?
Сельский праздник бесится в разгаре!
Люди разминаются в угаре.
Коммунисты... Визг и суeta.
Разноцветье. Речь... Духота!
Журналистам вечером поддали,
Чтоб «пуцай» об этом не писали...

Все вокруг поет, ликует, пляшет,
Участковый спит без кобуры,
И целует Ванька девку Машу,
Белый месяц скрылся до поры...

Районный фотокорр

Ветер жаркий и попутный,
Степь шершава, как чепрак,
Соль в озерах бледномутна,
Пеннознойный солончак!
Сушит солнце жгуче-белое
Травы, землю – до основ!

Где же суслик оробелый,
Враг народных колосков?
Кружит коршун в небе желтом.
Жажда! Пыльная жара!
«Волги» черные – у поля,
А по полю – трактора...

И – снимает оробело
Знойный полдень фотокорр:
В черных «волгах» – люди белые,
Очень важный разговор...
Фотокорр, вернувшись с трассы,
Ставя старенький штатив,
Будет думать про контрасты,
Негатив и позитив...

Оживут на снимках влажных:
Белогалстучный райком,
Знойноглинистая пашня,
Загорелый агроном...
Черной-ночью, в красных ваннах,
Жизнь без ретуши – не в лад?
Заглянцованно, обманно,
Днем те снимки заблестят...

В командировке

Журналистам районных газет...

Будет так: у пыльного кювета
Зафырчит наш «Газик» ни с чего.
Что-то там – в моторе перегретом,
Видно, отчего-то не того...

И шофер, невыспавшийся, сонный,
Будет рыться в пыльном бардачке.
И гурты на пастбищах отгонных
Заклубятся пылью вдалеке!

Но редактор скажет нецензурно -
Рухлядь ждут утиль и вторсырье,
Что, конечно, это неразумно -
На балансе числится старье.

Что расходы вчетверо излишни,
Нервы на пределе у него,
Но ему в «инстанциях всевышних»
Отвечают что-то не того...

А шофер наш скупой улыбнется,
Зазвенят потертые ключи.
Вдруг мотор, чихая, заведется,
И редактор, хмурясь, замолчит.

Едем по извилистым дорогам,
Степь – до горизонта самого!
Где-то в нашей жизни отчего-то
Почему-то, что-то, не того...

Пал Иваныч!

Депутат народный, с партбилетом,
Пал Иваныч, ездил в дождь и в зной.
И теплом души его согретый
Жил народ на вахте трудовой!
Трактора пыhtят под небом низким,
Бригадир команду подает,
И, в спецовке, прямо к коммунизму
Труженик полей их поведет!

Степь да степь широкая привольна!
А в степи отары и туман...
Труженик степей опять доволен -
Пятилетний выполнил он план:
Секретарь райкома держит слово,
Нечего тут даже обсуждать:
«Надо увеличить поголовье,
Надо – молодняк осеменять!»

Ехали машины по дороге,
В черных «Волгах» – добрые слоны,
Были председатели в тревоге,
Были в беспокойстве чабаны...
Скрылись трактора за горизонтом,
Молодняк упитан был и цел!
Секретарь райкома встал под зонтом
И победным взглядом оглядел:

И дымок, что пыхал к коммунизму,
И над юртой трепетный кумач,
И того, кому он вставил клизму,
По-партийной линии – строгащ...
По-простецки выпили, без чванства,
Развернулись – снова заседать!
И простую пыль из-под начальства
Очень было радостно вдыхать!

Но ягнята вымерли все за ночь!

(Маленький ягненок такой!)
Секретарь райкома, Пал Иваныч,
Что же ты наделал, дорогой? .
Что же ты наделал, окаянный,
Что же ты наделал, дорогой!
Степь да степь привольная в тумане,
По дорогам дождик проливной...

Вечерняя беседа стариков

Мерцанье звезд ночного небосвода.
Сиянье вод задумчивой реки.
Таинственно прислушалась природа -
О прошлом вспоминают старики!

О прошлом вспоминают старики.
Сплетая вязь забытых мудрых слов.
Как от меня слова те далеки!
И как найти мне тайны тех годов?

Как разгадать сплетенья мудрых слов.
Забытые легенды и преданья?
Ведь я, потомок грозных седоков,
Как гость незванный слушаю сказанья.

Гураны

Над степью бурятской бураны.
Знобящий студенистый снег.
И житель здесь прозван гураном.
Чалдонской земли человек!

Мы к этим границам России
Корнями навек приросли.
Не каждому в мире по силам
Быть жителем нашей земли...

Живем мы в извечной тревоге
С языческих древних веков.
Остроги, остроги, остроги.
Да зоркие вышки постов!

Что можно из ссыльного выжать
Средь этих дождей и снегов?
Да разве б смогли они выжить
Без наших гуранских хлебов!

На нашей земле добывая
Свинцово-убойный металл.

Бродяга, судьбу проклиная.
Как в песне поется, бежал!

Крамольники, вольные души.
Едва доходили сюда.
И сотнями гибли от стужи.
Гураны здесь жили всегда!

И край мы родной защищали
С молитвой: «Господь нас спаси!»
Мы свой «Капитал» изучали
В серебряных копиях Руси...

Не мы под ружейные дула
По этим острогам прошли.
Но были еще караулы
Вдоль рек забайкальской земли!

И помнят, конечно, издревле
Чубатых и смуглых солдат
Болгарские Шипка и Плевна.
Высокие горы Карпат.

Легенды про войны и бури
Гураны доньше хранят.
Защитником был Порт-Артура
Мой прадед – казак из бурят!

Гураны из белого стана.
О вас я судить не могу...
И красные роты гуранов
Под Спасском на белом снегу...

И тридцать седьмые, как раны.
Как кровь на осенней стерне!
А сколько погибло гуранов
В последней – надеюсь войне!

Над степью бурятской бураны.
Знобящий студенистый снег.
И житель здесь прозван гураном.
Чалдонской земли человек!

Рассказ партизана

«В мутных зарослях болота
Третьи сутки мы лежим.
Кроет немец с миномета.
Гарь. Разрывы! Смерть и дым!

Лейтенант, мальчишка длинный.
Весь разбух, к воде припал.
В первый день осколком мины
Был убит он наповал...
Мы отходим дальше, дальше.
Рядом воду рвет фугас.
И на странном этом марше
С каждым днем все меньше нас.
Репродуктор глуше, глуше
Вслед хрипит из темноты.
Бьют из пушек. Вот и суша!
Партизанские посты...

По весне, в начале мая.
Время вспять во мне идет:
Не Берлин я вспоминаю -
Лето... Сорок первый год...»

Ночной вокзал

За день загнанный, утомленный,
Почивает люд городской...
В сонно-синих огнях неона
Хрипло дышит вокзал ночной!
В этом месиве тускло-пестром
Спят студенты, учителя,
Спят колхозники, спят медсестры,
И – солдаты, смяв кителя...
Спят на сумках и чемоданах
Работяги-отпускники,
Спит семейство смуглых цыганов,
Расстелив свои тюфяки!
На ступеньках средь шума, гама,
Еле втиснувшись в крепдешин,
Дебелая рыхлая дама
Ловко лопаёт беляши...
Да обмахивается платочком -
Духота и в ушах трезвон.
Может в техникум едет к дочке,
Или – к чаду в часть-гарнизон.
На девчат она смотрит прямо,
На издерганных алкашей.
В ней не меньше ста килограммов
Раньше съеденных беляшей.
У буфета старушка платит
За ватрушку и молоко,
Смотрит, шурясь, на кофты, платья,
На кольца из золота-платины,
Да считает горсть медяков...

Зал гудит и готов сорваться
На вагоны, как на редут!
Изможденного оборванца
Крепыши-сержанты ведут...
Прикорнула в углу старуха,
И сыта, довольна теперь!
Дверь с табличкой. Закрыта глухо.
Депутатской комнаты дверь.
А на улице – строй военных,
Стук колес... И бурлит перрон!
И, конечно, одни – в купейный,
А другие – в общий вагон...
Мне порою бывает страшно
И обидно за род людской,
Нутряным содрогаясь кашлем,
Хрипло дышит вокзал ночной!
Здесь встречают и провожают
Вечный узел людских проблем...
Отправление объявляют,
Да счастливой дороги. Всем!

* * *

Там долг выполняют не даром,
Коран – не «Интернационал»!
В горячих песках Кандагара
Наш мальчик убит наповал...

Домой он писал, что медали
Вот-вот уже выдадут им.
Над ним не метели рыдали,
Пески проносились над ним.

Друзья его в бой уходили
Под небом чужим и седым...
На кладбище мать голосила
А орден был вручен родным.

Теперь не имеют значенья
Слова – перед кем, кто в долгу?
Там долг выполняют! А чей он?
Я тоже сказать не могу...

Тебе еще жить бы да жить бы,
И весны с друзьями встречать,
И в сладостный вечер женитьбы
Невесту в уста целовать...

Спешите жить

Спешите жить! Не умирайте
В мещанской тине и тиши.
Навскидку точно выбирайте
Дела большие для души...

Спешите жить, не времените!
В огне сгорайте, не в золе,
И так спешите и живите,
Чтоб след оставить на землей

Спешите с добрыми делами
И не щадите щедрость сил,
Так, чтобы хлеб воспоминаний
В итоге жизни не горчил...

Спешите с яростною жаждой,
Спешите так, чтоб укорить -
На склоне лет себя однажды:
«Ах, сколько б мог я совершить!»

Скоростная стрижка овец

Встаем холодными утрами.
Еще в деревне храп густой!
Еще – сонливые туманы
Плывут над пашней и рекой...

«Включай!» И с грохотом и звоном
Несется эхо по холмам.
И пот струится раскаленный
По нашим жилистым телам!

Рывком! Одной подсечкой ловкой!
Стрижем, мускулисто склонясь.
И смотрят стриженные овцы.
Изжелта-белые, косясь...

* * *

На кладбище, невзрачном, деревенском.
Тугая оглушит тишина.
Иные не дожили и до пенсий.
Болезни, да невзгоды. И – война...

И мысли, бунтовавшие крылато.
В немыслимой покоятся тут мгле.
И нет здесь правых, нет и виноватых...
Как плохо знали мы их на Земле!

Ответ иезуитам

Все же будем однажды мы биты:
«Кто позволил без Нас им Писать?»
И анкетами иезуиты
Будут грозно при всех потрясать!

Как тюремные синие блицы,
Нам юпитеры высветят лица...

Будут долго кипеть еще страсти,
Но анкеты свои теребя,
Их не будем винить в пристрастии -
Обвиним мы самих же себя:

«Об колючки мы в ваших темницах
В кровь изранили души и лица...»

Стихотворения 1977-1984 годов.

Повесть временных лет.1984 – 1993

Брату и сестре

Предрассветные вижу виденья:
Едем мы по полынным лугам,
Мать, смеясь, на переднем сиденье,
Лицо подставляет ветрам.

И под солнцем горит кукуруза
На полях позабытых хлебов,
Да по радио хрипло и грузно
Выступает Никита Хрущев.

Ах, далекого детства картины!
И как жаль, что мы их не вернем.
Едет старая наша машина,
И отец – молодой! – за рулем.

И неясно нам брезжат тревоги,
Но в предчувствии светлых забот,
Едем мы по вечерней дороге,
И закатно горит небосвод.

Гадание

Летней ночью старуха гадает.
Молодая на карты глядит.

И крестовый король изменяет.
А червонная дама молчит!

Там вдали полыхают зарницы.
Гром над крышами гулко гремит!
Молодой жуткой ночью не спится.
У окошка старуха сидит...

А в соседней избушке напротив.
Где чертей деревенских притон.
Третьи сутки, забросив работу!
Пьет кудлатый мужик самогон!

Хоть ответы на картах найдены.
Будут молнии ночь озарять...
(Еще ничего не разгадано)
Да возможно ли жизнь разгадать?

Упрямый старик

И ни уюта, ни квартиры
Он для себя не вымогал.
Как много думал он о мире,
Как много людям помогал!

И путь, как жгучее сомнение,
Война... Бараки лагерей...
И молчаливое презрение
Больших, посредственных, людей!

Стареет, кашляет недужно,
Вздыхает в вязкой тишине.
И понимает, что не нужен
Ни этим людям, ни стране,

Что по этапам, под, конвоем
Прошли в сомнениях года,
Что даже сам перед собою
Он не лукавил никогда,

Что и в предательские годы,
Себя ни разу не продав!
Без страха нынче он уходит,
Не победив, но проиграв...

Пока не ведают кумиры,
Его спровадив в немоту,
Что завтра дети конвоиров
За ним признают правоту!

Как стать писателем

На халяву маститые рады
С молодыми всегда выпивать!
Надо печень железную, надо!
Для того, чтоб писателем стать.

Семинары, застолья, парады,
Благодетелей – целая рать.
Но иметь сердце лживое надо
Для того, чтоб писателем стать!

Будут почести, слава, награды,
Только знайте о чем вам писать.
Но иметь душу подлую надо
Для того, чтоб писателем стать!

Почему ж молодые не рады,
Или совесть успели пропить?
Для того, чтоб писателем надо...
Может лучше им вовсе не быть?

Может быть, и не надо стремиться,
Может быть, не вина тут – беда?
Если не был – зачем становиться,
Если был – ты им будешь всегда!

Мировые дела!

Приходил он с работы усталый,
Чаще пьяный, довольный собой,
И такие программы включал он,
Где вели наши с «духами» бой.

Где мелькали и Бовин, и Цветов,
Фесуненко и кто-то другой...
И был самый гуманный на свете,
Самый, самый советский наш строй!

И с похмелья читал он газеты,
Возмущался, приняв пятьсот грамм,
Что на нашей прекрасной планете
Неуютно живет рабам!

Возмущался он, выпив, и теми,
Кто еще поклонялся деньгам,
И программу включал потом «Время»,
В мире не было лучше программ!

И маячили Цветов, Мулюков,
Фесуненко и кто-то другой.
Обозвав благоверную сукой,
Снова пил он, довольный собой...

И кричал: «Да примите же меры!»
В красный рот опрокинув стакан:
«Приближаются красные кхмеры!»
А к нему приближался Иван...

Приближались другие соседи,
Конкуренты в забое «козла».
И опять продолжалась беседа,
Мировые решались дела...

* * *

Старый, мудрый, веселый, ну где ты?
Я не вижу тебя много лет...
Красный кант, голубые штиблеты
И – алевший у сердца билет!

Знаешь, жить не охота мне нынче,
Помня голос участливый твой.
А сегодня я пьян необычно -
С непокрытой хожу головой!

С непокрытой хожу по погосту,
Где тобой убиенные спят,
По-партийному строгому ГОСТу,
Их в земле – нескончаемый ряд!

Голубеют, кончаются сроки,
Наших розовых призрачных лет.
Мне в глаза насмеваются строки
Черно-белых советских газет!

И меня молодой утешает -
Поднимает билет напоказ!
Но обложка его набухает
Кровью тех, кто придет после нас...

* * *

Пока кипят дебаты, споры,
О силе, власти надо мной,
Давно презрев все разговоры,
Живу я – житель рядовой!

А я живу! И к сильным мира
Не мыслю вовсе снизойти,
Ведь сколько мнимых я кумиров
В душе низвергнул с высоты.

Живу! И мысли я лелею,
Планеты житель рядовой,
И кто кого из нас сильнее
Еще не сказано судьбой...

* * *

Иных уж нет. И по всем приметам
Сроки беспощадные грядут.
И, прожив отцовские наследства,
Сыновья дела их зачеркнут...

Срок минует.. Те уйдут далече.
Но придут ли любящие жить,
Чтоб понять, что мир был изувечен
Нежеланьем – Мыслить и Любить?

* * *

В дома друзей неповторимых
Вхожу усталый иногда.
Там я, неизданный, гонимый.
Надежно признан. Навсегда!

У них не виллы и именья.
Они в заброшенном краю.
Живут и верят без сомненья.
Что людям я не изменю...

А изменю я им, родимым.
Предам их веру на уют.
Тогда любые псевдонимы
От их презренья не спасут!

Путники

Есть всему свое время и место,
Путь-дорога начертана всем!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.